

АНТРОПОЛОГИЯ МИФА

УДК 801.7

DOI: 10.35103/SMSU.2022.66.56.016

МИФ КАК ОБУСТРОЙСТВО ПРОСТРАНСТВА СОЗНАНИЯ

Никитина Елена Сергеевна
Институт языкознания РАН (г. Москва, Россия)

*«Если убрать все пространство
между атомами, из которых создано ваше тело,
вы станете такими маленькими, что сможете
пройти сквозь игольное ушко».*

Стивен Джуан

Аннотация

В постнеклассическом научном понимании сознание не может рассматриваться в классической познавательной схеме субъект-объектных отношений. Сознание как таковое не может быть нами жизненно пережито, иначе, не может быть феноменом жизни, поэтому оно не может быть и объектом позитивного знания. Высветилось и ограниченность представления о том, что самосознание является «прозрачным» для самого себя, наиболее фундаментальным и предельным основанием знания (cogito ergo sum), где объект знания и средства познания совпадают. Мы говорим, что работаем с сознанием, что занимаемся пониманием сознания именно потому, что описывать сознание, работать с самим сознанием, а не с его пониманием, невозможно. Семиотическое совпадение языка описания с самим предметом исследования здесь наиболее ярко выражено. Поэтому должны быть введены новые понятия, которые следует отнести не к сознанию как предмету работы, а к «работе» с ним и таким образом эти термины и понятия будут фиксироваться как свойства самой работы с сознанием. Здесь то и возникает «миф» как способ описать не пережитое.

Ключевые слова: пространства сознания, сознание как текст, децентрация, мифологические модели как практические ориентиры мировоззрения

MYTH AS THE ARRANGEMENT OF THE SPACE OF CONSCIOUSNESS

Nikitina Elena Sergeevna
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract

In the post-nonclassical scientific understanding, consciousness cannot be considered in the classical cognitive scheme of subject-object relations. Consciousness as such cannot be our life experience, otherwise, it cannot be a phenomenon of life, therefore it cannot be an object of positive knowledge. The limitation of the idea that self-consciousness is "transparent" for itself, the most fundamental and ultimate foundation of knowledge (cogito ergo sum), where the object of knowledge and the means of knowledge coincide, has also been highlighted. We say that we work with consciousness, that we are engaged in understanding consciousness precisely because

it is impossible to describe consciousness, to work with consciousness itself, and not with its understanding. The semiotic coincidence of the language of description with the very subject of research is most clearly expressed here. Therefore, new concepts should be introduced, which should be attributed not to consciousness as an object of work, but to "working" with it, and thus these terms and concepts will be recorded as properties of the very work with consciousness. This is where the "myth" emerges as a way to describe what has not been experienced.

Key words: spaces of consciousness; consciousness as a text; decentration; mythological models as practical guidelines for the worldview

Введение

В свое время Николай Гартман удивился одному из свойств сознания отражать пространство в созерцании, не будучи оформленным пространственно. В представлениях, которые не суть в пространстве, есть пространство – таков парадокс. Кант эту же проблему о месте души, ее локальном присутствии определил, как не только неразрешимую, но и внутренне противоречивую, т.е. парадоксальную. Между тем этот парадокс является следствием дуалистической традиции, сформулированной Р. Декартом в логике чистой рациональности. Практики работы с сознанием опровергли одномерные представления о структуре сознания с рациональным основанием. Научный интерес к многообразию сфер бытия сознания, их пересечениям и взаимовлияниям изменил картину единого и неделимого сознания. Единство сознания из постулата стало проблемой. Сознание распалось, как и мир культуры, на отдельные «знаковые» единицы. Собираение его в единый текст (гипертекст) есть уже дело не одиночек-любителей, а армии профессионалов от психотерапевтов до дипломированных идеологов разных рангов и специализаций. Методом работы здесь выступает коллективное мифотворчество.

Основная часть

Категория пространства составляет необходимый базис всякого теоретического построения в качестве очень обобщенных, но вполне определенных представлений о той или иной протяженности, целостности, структурированности и «близости» друг к другу интересующих нас объектов. Создание пространственных моделей понимания, особенно на исходном уровне, наглядно символизирующих все основные связи объектов изучения, позволяет вывести последние из-под рефлексивной зависимости, придав им самостоятельность существования. Получив свое место в пространстве, изучаемый объект становится как бы «независимым» от изучающего его субъекта. «И дело здесь не во вспомогательных средствах облегчения процесса представления, понимания, как это иногда принято считать в методологии науки. Дело в том, что до и независимо от какого-либо научного познания (являющегося лишь специальным и предельно сложным случаем восприятия и понимания мира) так работает наша психика, открывая себе через квазипредметности пространство возможного "мира понимания" и дальнейшего развития в нем (или через него) психических структур» [5, с. 121].

Еще раньше Павел Флоренский утверждал, что «свойства действительности, при рациональном познании, куда-то должны быть помещены в модели, т.е. в пространство, вещи или в среду. Но куда именно – это не определяется с необходимостью самим опытом, и зависит от *стиля* мышления, и вообще от строения мышления, а не от строения опыта. Пространство, вещи или среда, любое

из этих мысленных образований можно считать первым и от него отправляться; но что бы ни было взято за первое, непременно выступят в дальнейшем или явно, или прикровенно и другие мысленные образования: каждое в отдельности, при построении модели действительности, бесплодно» [11, с. 6-7].

I. *О категории пространства.* Со времени зарождения научного знания понимание пространства в естествознании изменилось радикально всего один раз – с возникновением теории относительности. Эволюция же философских взглядов на пространство значительно богаче гипотезами, вариантами интерпретаций категории пространства, дискуссиями, ведущимися вокруг нее. Это определялось, прежде всего, особой ролью пространства в структуре мира: это та арена, на которой разворачиваются все события и одновременно непосредственный участник этого действия, задающий его ход.

Концепции пустого пространства противопоставляется концепция, выдвинутая Аристотелем, который полагал, что случайные сочетания неизменных частиц не могут обусловить качественное своеобразие и целостность вещей, их специфические закономерности. И хотя материя является субстратом вещей, но движущее, активное начало – это форма. Отрицание атомизма вело за собой и отрицание пустого пространства. Пустоты нет, ибо она – это нечто, имеющее величину, и одновременно ничто, бестелесное начало, ни на что не действующее и не подвергающееся воздействию, чего не может быть, потому что быть не может. Отсюда следовал вывод, что пространство есть совокупность мест, занимаемых телами.

Возникает определенное противоречие: существуют два пространства – бесконечное, пустое и изотропное, с одной стороны, и конечное, определяемое телами, имеющее центр и анизотропное – с другой. В известной степени идея множественности миров разрешает это противоречие. Причем, по мнению Демокрита, эти миры могут сильно отличаться от нашего, имея, тем самым, и другие пространственные структуры.

Отметим, что зародившееся в Греции рационально-теоретическое мышление как один из видов разума имело тесные связи с социальными структурами и складом мышления, присущим греческому полису. «Весьма важно иметь в виду, что первые греческие мыслители перешли от вопроса о том, из чего возник мир, к вопросу о том, что лежит в основе всех вещей; они отказались от мифотеогонических представлений о том, как был создан мир и кто поддерживает миропорядок, и стали на путь рационально-научных воззрений о мире как саморегулирующемся процессе» [6, с.216].

Выделение философии как области развития такой рациональности привело к созданию «максимально мыслимого предмета», за пределами которого не существовало бы никакого конкретного объекта познания. Однако, повышение уровня абстракции до всеобщности привело к новому качеству: философия становится научным мировоззрением или одним из ведущих компонентов мировоззрения, превращая абстрактные идеи в персональные установки и практические ориентиры. И эта мировоззренческая сторона философии складывалась, в том числе, и из мифологически-художественного видения мира, имела свою социально-культурную компоненту. В греческом мире источником ответов на мировоззренческие вопросы были не только естественнонаучные достижения, но и практические знания (повседневный опыт) и исторические параллели и религиозные предпочтения, и мифологические представления.

Отметим, что мифологические представления о пространстве, сосуществовавшие вместе и наряду с развивавшимися философскими идеями (и в этом парадокс истории) оказались ближе к современным теориям и гипотезам о пространстве, чем взгляды античных философов. Так, мифологические модели пространства древних в качестве обязательных включают четыре элемента.

1. Причины его рождения. Уже это само по себе задает границы – пространственно-временные – созерцаемого пространства. Оно – не идеальное, абстрактное, пустоеместилище, заполненное вещами, а наоборот, само создается ими. Вне вещей пространство древних не существует.

2. Неразличимость пространства и времени. Мифологическое сознание требует определения «здесь и теперь».

3. Третий элемент – наличие центра пространства (мировое дерево, гора, пуп земли, священный город, храм и т.п.), от которого в момент творения и начинается развертывание пространства, его развитие через развитие упорядоченных материальных и духовных объектов. Чем дальше от центра, тем ближе к хаосу. Путь же к центру пространства – путь к совершенству. Только в центре может вершиться судьба героя.

4. Последний элемент модели пространства древних – его социализированность через наполнение сакральными символами, связанными с судьбой личности или социальной группы. «Социализированное пространство – это пространство, наполненное и упорядоченное богами, героями и людьми, человеческими общинами и государствами, городами, планировка которых отражает еще мифологические взгляды на пространство с выделенностью его центра и кругами постижения мира и совершения поступков» [10, с. 36]. В «Божественной комедии» Данте дает наиболее развернутое и опозитивированное изложение христианской космологии, господствовавшей вплоть до XV века.

В космологии Данте в равной степени смешиваются и библейские традиции, и натурфилософские традиции Аристотеля и неоплатоников. Структура пространства у Данте (девять кругов ада, два уступа предчистилища, долина перед чистилищем и семь кругов чистилища, земной рай, девять кругов-небес рая небесного и его десятый, высший, уровень – эмпирей) определяется не активностью непротяженной сущности бытия, а необходимостью расстановки душ-образов людей в соответствии с их поступками в земном бытии. Эта структура чувственно познаваема и многомерна. Тем самым Данте в определенной степени фиксирует начало перехода от представлений о пространстве как эсхатологическом двумерии с избранными направлениями (верх-низ как рай-ад) к многомерию, имеющему фазовый характер и чувственно познаваемому. Душа входила в пространство.

Как отметил известный антиковед Ж.-П. Вернан, светский и рациональный характер видения мира, понятие умопостигаемого и упорядоченного космоса, а также геометрическая картина вселенной – тесно связаны друг с другом. «Становление полиса означает не только ряд экономических и политических преобразований, но включает в себя также следующие факторы: изменение образа мышления, открытие другого интеллектуального горизонта, выработку нового социального пространства с центром на городской площади (агога); исчезновение такого персонажа, как микенский правитель (апах), верховная власть которого контролирует и регламентирует, через посредство писарей, всю социальную жизнь; возвышение слова, которое в своем светском применении – в свободном споре,

дискуссии, диалоге – становится преимущественным политическим оружием, инструментом достижения приоритета. Оно означает далее полную открытость как в отношении проявлений общественной, так и духовной жизни, излагаемых отныне в письменной форме для сведения всех граждан (если речь идет о законах и декретах) и доступных критике или борьбе мнений (когда речь идет об индивидуальных творениях); замену старых иерархических отношений господства и подчинения новым типом общественных связей, основанных на симметрии и взаимности отношений между "подобными" или "равными" гражданами; отказ от традиции, которая больше не считается незыблемой и почитаемой. Более того, теперь усилия каждого направлены на то, чтобы отмежеваться от традиции, проявив оригинальность мышления и соблюдая дистанцию по отношению к предшественникам, утверждения которых можно либо принять, либо исправить, либо просто отбросить. Все изменения подобного рода свидетельствуют о том, что как секуляризация и "геометризация" мысли, так и развитие духа творчества и критики осуществлялись в общественной практике (praxis) в то самое время, когда они получали свое выражение у "физиков" милетской школы» [4, с.14–15].

Шла ли речь о географии, астрономии или космологии, рациональная мысль постигала физический мир и проецировала его в пространственные рамки, которые больше не определялись религиозными категориями, но образовывались взаимными, симметричными, обратимыми соотношениями, имеющими геометрический характер. Внешний мир имел протяжение, границы, структуру, но был еще вне времени (история естествознания возникла позже) и потому не относился к внутренней жизни субъекта его познания – был ей не соизмерен. Субъект оставался, должен был быть, точкой в пространстве, не имеющей собственного размера.

II. *Пространства сознания.* Научившись свертывать пространства в квадрат экрана, человек XX века заново переоткрыл для себя топологию социально-психологического пространства. Два направления в культуре мышления XX века сыграли решающую роль в spatialization (придании пространственных форм) сознанию: это феноменология и семиотика. Мы остановимся на семиотическом подходе, который высветил пространство сознания как текста. Эта незаметная революция, когда от Эвклидовой плоскостной геометрии перешли к геометрии Римана, Лобачевского или сегодня к фрактальной геометрии, произошла и по отношению к тексту. Семиотика преобразила текст в сложное знаковое образование, имеющее, по меньшей мере, три составляющих (сам знак, его содержание, смысл и место в системе иных знаков). Текст стал вписываться в трехмерное пространство временных координат: прошлого, настоящего, будущего (Ч. Пирс говорил о трех временных типах знаков), а также в коммуникативное пространство, где есть ось вертикальная, горизонтальная, сагиттальная, или, иерархия, структура, движение.

Текст разложили на многомерные элементы, пытаясь изучить его как естественное образование (аналитика текста). У текста обнаружили разные функции: не только передачи информации, но восприятия, памяти, мышления, понимания (Ю. Лотман). Каждая функция «упаковывает» по-своему кусок информации о мире. Текст занял позицию не зеркально-отражательную, но вещную в мире сотворенных людьми предметов. Благодаря письменности он получил независимость от отдельного индивида и у него появилась своя судьба.

А. Семиотический поворот: сознание как текст. Сознание не есть только знак для его носителей. Но оно может быть рассмотрено как знак с собственным содержанием, так как со знаком его объединяет «дематериализация» и трехкомпонентная структура способов фиксации опыта: образ, действие, символ. А в качестве целостного образования – смысл. Хотя связь с чувственно воспринимаемой субстанцией и необходима для продолжения жизни знака, знак ни в коей мере не отождествляется со своей опорой. Соединение в знаке трех пространств: предметного, мыслительного и языкового – делает его еще и смысловым образованием, с дополнительной координатой – значимостью: функцией в системе знаков.

Человек способен менять образы своего восприятия, воздействуя на внешнюю реальность. Знаковые конструкции не только подтверждают факт наличия этой реальности, но делают ее стабильной и доступной. В этом смысле знак организует реальность, превращая ее в действительность (действием созданный человеческий мир).

В семиотической парадигме переход от наблюдаемого как части целого к заключению о нем как целостном образовании необходимо предполагает наличие в пресуппозиции очевидных допущений:

1. Между следом, симптомом или уликой и тем, что они обозначают – стоят неустранимые различия.

2. Эти различия связаны с разрывом во времени между обнаружением «признаков» и их «причинами».

3. Эти различия связаны с пространственными перерывами между частью и целым искомого образования.

А значит, чтобы восстановить часть до целостного образования, необходимо организовать их в едином пространственно-временном событии, заключив в акте означивания. Знак порождает завершенную целостную картину, которая им же и ограничивается. Как и миф, знак несет в себе момент условности и относительности.

В семиотической парадигме сознание полагается как Глобальный Текст. Поэтому на вопрос о месте пребывания души, который Кант характеризовал как неадекватный существу сознания, здесь можно ответить так: сознание находится в тексте, оно и есть текст, но только текст, понятый как семиотическое образование. Рассмотренный в качестве семиотического образования, текст есть живое воплощающееся сознание. «Когда текст становится объектом нашего познания, мы можем говорить об отражении отражения. Понимание текста и есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отражаемому объекту» [3, с. 292].

Б. Что можно утверждать о пространстве сознания? Во-первых, в качестве сложного знака – текста – у сознания появляется не только семантическая и синтаксическая (логическая) координаты, но и прагматическая. Ведь текст можно не только понимать, но, включая в различные контексты, интерпретировать, толковать и перетолковывать. А это уже иная культура работы с сознанием. «Мы как бы заставляем человека говорить (конструируем его важные показания, объяснения, исповеди, признания, доразвиваем возможную или действительную внутреннюю речь и т.п.). Повсюду действительный или возможный текст и его понимание. Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом. Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, чтобы получить

ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение» [3, с. 292–293].

По мере усложнения деятельности и коммуникации усложнялась структура текста, у него появлялись качественно новые функции. «Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он *приобретает память*. Одновременно он обнаруживает качество, которое Гераклит определил как «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [8, с. 160]. Кроме того, текст актуализирует определенные стороны личности самого адресата. В автокоммуникации текст выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с метакультурными конструкциями. Текст может становиться равноправным собеседником, выступая самостоятельным интеллектуальным образованием, играющим активную и независимую роль в диалоге. «Как говорил Аристотель...» – обычный зачин многих текстов недавнего прошлого. Еще текст может выступать в качестве культурного контекста, источника или получателя информации. «Отношения текста к культурному контексту могут иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, которому он в определенном отношении эквивалентен, или же метонимический, когда текст представляет контекст как некоторая часть – целое. Причем, поскольку культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разными уровневными структурами» [8, с. 161].

Небезынтересно сравнить пять функций текста с пятью контурами организации сознания: «Помимо сенсорно-перцептивного контура в иерархии уровней ментальной репрезентации можно выделить, по мнению А. Агафонова, – познавательный *контур представления, мыслительный контур сознания*, а также *аффективный и рефлексивный контуры*. Познавательный контур есть не более чем форма смыслопорождающей активности сознания, способ реализации сознанием процедур понимания собственных текстов» [1, с. 114].

Прагматическая координата текста-сознания – это его адресованность или предназначенность кому-либо. Каждое высказывание есть ответ на предшествующие высказывания в данной сфере: оно их принимает, оспаривает, подтверждает, опирается на них, считается с ними. Понимание всегда диалогично. Диалогические же отношения не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к семиотическим отношениям. Это отношения между текстами (высказываниями) и наука диалогии только начинает оформляться, хотя в «Топике» о ней говорил уже Аристотель.

Как отметил М.Бахтин, индивиду даны не только обязательные для него формы языка, но и обязательные формы высказывания, то есть, речевые жанры – типовые модели построения речевого целого. «В жанрах (литературных и речевых) на протяжении веков их жизни накапливаются формы видения и осмысления определенных сторон мира. Для писателя-ремесленника жанр служит внешним шаблоном, большой же художник пробуждает заложенные в нем смысловые

возможности» [3, с. 332]. В герменевтике это называется предпониманием, а у М. Бахтина – «коллективной ориентацией».

Жанровая предопределенность текста задавала третью координату смыслового пространства сознания – координату Другого. «Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. <...> Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть "смысла в себе" – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла» [3, с. 350].

Текст как аналог языкового сознания надо представлять живым, развивающимся образованием. Не всякое речевое произведение можно назвать текстом. И.Р. Гальперин называл текстом только письменное произведение, поскольку последнее предполагает определенный рефлексивный отбор. Как река начинается с истока, любой текст начинается с высказывания, но не каждому высказыванию суждено превратиться в текст. Некоторые же тексты становятся символами и через свою символизацию превращаются в мифологему, особый вид текстов, живущих на краю сознания, но охраняющих его от вторжения иносмысленного. Мифологемный текст становится схемой сознания и в качестве схемы уже может не осознаваться, но активно влиять на смыслообразующие процессы в семиосфере культуры. Итак, высказывание (микротекст в конкретной коммуникативной ситуации), текст (в пространстве других текстов), символ в культурном пространстве, миф в пространстве сознания и наконец, схема или инструмент понимания других текстов в пространстве семиосферы. Таков цикл жизни текста. Безусловно, не все тексты проходят полный жизненный цикл.

Заключение

Согласно психологическим концепциям о развитии человеческого сознания оно движется в сторону децентрации, учета других в общих представлениях о мире. Так, любая эволюция начинается с состояния относительного эгоцентризма и феноменализма. С одной стороны, субъект познает только те особенности вещей, которые непосредственно очевидны, то есть, всего несколько поверхностных характеристик (феноменализм). С другой стороны, он не в состоянии оценить влияние своей собственной позиции на образ воспринимаемой вещи; он не умеет направить свой интеллектуальный инструмент на самого себя, чтобы подвергнуть критическому обследованию свое познание (эгоцентризм).

Задача развития и состоит в том, чтобы внести поправку в этот исходный эгоцентризм и феноменализм. Феноменализм уступает место конструктивизму: субъект проникает в объект своего познания все глубже и основательнее. А на смену эгоцентризму приходит размышление (рефлексия); субъект повторно обдумывает и переконструирует аспекты того объекта мышления, который «сконструировал» ранее, подвергает критическому анализу первоначальные предположения об этих аспектах, в общем подвергает свои прежние акты познания исследовательской рефлексии.

«Я выбрал термин "познавательный эгоцентризм" (без сомнения, выбор плохой!), – писал Ж. Пиаже, – чтобы выразить ту идею, что прогресс знаний никогда не происходит путем простого добавления познанных предметов или новых уровней, как если бы более богатое знание было только дополнением полученного ранее более бедного. Процесс знаний требует постоянного

переформулирования предыдущих точек зрения с помощью процесса, который так же двигается назад, как и вперед, постоянно корректируя исходные систематические ошибки и таким образом медленно продвигаясь вперед. Этот коррекционный процесс подчиняется определенному закону развития, закону децентрации. В науке переход от геоцентрической к гелиоцентрической перспективе потребовал гигантского подвига децентрации. <...> Познавательный эгоцентризм, как я старался пояснить, опирается на недостаточное отдифференцирование своей точки зрения от других возможных, а не на индивидуализм, который предшествует альтруизму (как в концепции Руссо...) <...> Однако я думаю, что существует кооперация с другими (в познавательном плане), которая учит нас говорить "соответственно другим", а не просто с нашей собственной точки зрения» [9, с. 189–193].

Общение с другими становится продуктивным, если соблюдаются правила кооперативной деятельности: они касаются понимания, слушания, говорения и личностной готовности к диалогическим взаимоотношениям.

Можно предположить, что и движение представлений о сознании также двигалось по маршруту расцентровки. В указателе фольклорных сюжетов Аарне-Томпсона под номером 1287 стоит история «Про девярых людей». Герой анекдота, ищет по свету людей, которые были бы умнее его глупой матери, а в итоге находит людей еще более глупых. Так, в одном из вариантов истории, герой набрел по дороге на артель работников, которые как раз решили пообедать. «Хлеб да соль! – Садись с нами». После обеда стали они считать, все ли налицо. Но сколько они ни считали, все одного не досчитываются. «Пожалуйста, добрый молодец, пересчитай нас; отпустил нас хозяин всего-навсего десять человек, а теперь, сколько ни считаем – все одного не хватает». – «Да вы этак никогда не досчитаетесь! Каждый из вас как станет считать, себя-то в счет и не кладет: полно хлопотать попусту, вы все налицо!» – «Спасибо, добрый человек!».

Суть дела в том, что каждый из артельщиков выступает для себя в качестве другого, иного, нежели все остальные. Все они – «*девярых люди*», потому что каждый не берет себя в счет, и только прохожий, посторонний человек разъясняет дуракам, что к чему. «Чтобы *девярых люди* стали десятиными, – пишет В. Айрапетян, – нужен одиннадцатый; здесь представлены все три типа фольклорных чисел, а именно неполное число, круглое, то есть, полное, и сверхполное. Этот анекдот про глупцов вчуже смешон, но ведь все мы такие дураки, это и притча о человечестве. Каждый сам для себя иной по отношению ко всем другим людям, а чтобы включить себя в счет, нам нужно увидеть себя со стороны» [2, с. 7]. И как же это трудно дается человечеству! Однако иного пути в познании не придумано.

Мир сознания многомерен. Независимо от того, в каких системных отношениях сосуществуют эти миры опыта, очевидно, что сознание, постоянно меняющее сферы и логики своей деятельности, скорее напоминает мыслящий Океан Станислава Лема. Эта живая студенистая субстанция, изменяющая орбиту планеты без каких-либо инструментов, путём непосредственного влияния на метрику пространства-времени. Многочисленные попытки контакта людей с Океаном проваливались одна за другой. Все собранные факты ничуть не продвинули исследователей на пути понимания того, как можно общаться с Океаном. Да и вообще возможно ли такое общение, если Он не есть зеркало нас самих?! «Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны

быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других мы надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого» [7].

Литература

1. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. Санкт-Петербург: Издательство «Речь», 2003. 296 с.
2. Айрапетян В. Толкование на анекдот про девярых людей (АТ 1287). Москва: Языки славянской культуры, 2010. 80 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. Общая редакция Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. Москва: Прогресс, 1988. 224 с.
5. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
6. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. (Становление греческой философии). Москва: Мысль, 1972. 312 с.
7. Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый (сборник). Пер. Брускин Д., Громова А. Москва: АСТ, 2016. 700 с.
8. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
9. *Пиаже Ж.* Комментарии к критическим замечаниям Л.С. Выготского на книги «Речь и мышление ребенка» и «Суждение и Рассуждение ребенка» // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., МГУ, 1981. С. 188–192.
10. Потемкин В.К., Симонов А.Л. Пространство в структуре мира. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1990. 176 с.
11. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1993. 325 с.

References

1. Agafonov A.Iũ. Osnovy smyslovoi teorii soznaniia [The Basics of the Theory of Consciousness]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Rech'», 2003. 296 s. (In Russian).
2. Aĭrapetĭan V. Tolkovanie na anekdot pro devĭatykh liudeĭ (AT 1287) [Interpretation of the Joke about the Ninth Man]. Moskva: Īazyki slavĭianskoĭ kul'tury, 2010. 80 s. (In Russian).
3. Bakhtin M.M. Ėstetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Wordsmithing]. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
4. Vernan, Zh.-P. Proiskhozhdenie drevnegrecheskoĭ mysli [The Origin of Ancient Greek Thought]. Obshchaĭa redaktsiia F.X. Kessidi, A.P. Īushkevicha. Moskva: Progress, 1988. 224 s. (In Russian).
5. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob'ektivnogo metoda v psikhologii [The Problem of Objective Method in Psychology] // Voprosy filosofii. 1977. № 7. S. 109–125. (In Russian).

6. Kessidi F.Kh. Ot mifa k logosu. (Stanovlenie grecheskoï filosofii) [From Myth to Logos. (The Formation of Greek Philosophy)]. Moskva: Mysl', 1972. 312 s. (In Russian).

7. Lem S. Soliāris. Ėdem. Nepobedimyĭ (sbornik) [Solaris. Eden. Invincible (Compilation)]. Per. Bruskin D., Gromova A. Moskva: AST, 2016. 700 s. (In Russian).

8. Lotman Īu.M. Tekst kak semioticheskaĭa problema [Text as a Semiotic Problem] // Īu.M. Lotman. Istoriiā i tipologiiā russkoĭ kul'tury. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2002. 768 s. (In Russian).

9. Piazhe Zh. Kommentarii k kriticheskim zamechaniĭam L.S. Vygotskogo na knigi «Rech' i myshlenie rebenka» i «Suzhdenie i Rassuzhdenie rebenka» [Comments on L.S. Vygotsky's Critical Comments on Speech and Thinking of a Child and Judgment and Reasoning of a Child] // Khrestomatiĭa po obshcheĭ psikhologii. Psikhologiiā myshleniĭa. Pod red. Īu.B. Gippenreĭter, V.V. Petukhova. M., MGU, 1981. S. 188–192. (In Russian).

10. Potemkin V.K., Simonov A.L. Prostranstvo v strukture mira [Space in the Structure of the World]. Novosibirsk: «Nauka» Sibirskoe otdelenie, 1990. 176 s. (In Russian).

11. Florenskii P.A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniĭakh [Analysis of Spatiality and Time in Works of Fiction]. Moskva: Izdatel'skaĭa grupa «Progress», 1993. 325 s. (In Russian).

Сведения об авторе:

Никитина Елена Сергеевна

Ведущий научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, кандидат филологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

E-mail: m1253076@yandex.ru

Bionotes:

Nikitina Elena Sergeevna

Leading Researcher, Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Candidate of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Никитина Е.С. Миф как обустройство пространства сознания // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 12–22.

For citation:

Nikitina E.S. Myth as the Arrangement of the Space of Consciousness // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. С. 12–22.